

Итальянский свидетель падения белой Одессы

В 1933 г. одно из крупнейших итальянских издательств – Mondadori – выпустило в свет книгу воспоминаний отставного офицера Альдо Мандрилли (Mandrilli) с прихотливым названием «Tra manicimio e bolscevismo» («Между сумасшедшим домом и большевизмом»). Шел 11-й год фашистской эры, провозглашенной Муссолини в 1922 г., и издатель, как полагалось, в выходных данных это аккуратно проставил: 1933 – XI (христианская эра обозначалась по традиции арабскими цифрами, а эра фашистская – римскими).

В предисловии, написанном популярным в ту эпоху писателем Алесандро Варальдо (он сочинял детективы, умело приспособив традицию Конан Дойля к духу муссолиниевского времени), рассказывалось о возникновении книги – случайная встреча с интересным рассказчиком-ветераном, его отказы писать воспоминания («я не писатель!» – «это и хорошо!»), последующий интерес издателя. Датируя свое предисловие, Варальдо вообще обошелся без христианской эры: *Рим, декабрь XI*.

И этот Одиннадцатый год фашистской эры (она катастрофически закончилась на своем 23-м году) дает себе знать в тексте – особенно в его первой части, про «сумасшедший дом». В ней рассказывается о доблести итальянской армии, сражавшейся против австрийской ради «исконных земель», о вражеском плене, о симуляции безумия, причем – как будто опережая дух времени – Мандрилли прикидывался безумным социалистом, произнося абсурдные речи перед воображаемой толпой. В итоге австрийские врачи признали-таки его сумасшедшим, и через швейцарский Красный Крест он вернулся в Италию весной 1918 г. – за полгода до окончания войны. Австрийский плен при этом стал судьбоносным – там же были русские солдаты, у которых Мандрилли немного научился языку. Это определило его траекторию на последующие полтора года.

Не успев отпраздновать победу Антанты, он в ноябре 1918 г. отправился в Архангельск в составе итальянской военной миссии, пытавшейся вместе с другими союзниками оказать помощь белому движению. Вялая интервенция встретила сильную оппозицию в самих странах Антанты, и после ряда поражений осенью 1919 г. союзники бесславно покинули Северную Россию.

Полгода спустя мемуарист снова оказывается в России, уже в Южной, и присутствует при трагическом финале белого движения. И тут не обходится без позднейшей «фашистской этики», особенно очевидной в послесловии, эпиграфом к которой можно поставить известные слова дуче: «Большевизм – русская болезнь». Нельзя, однако, исключить, что мемуаристу «помогали» опытные редакционные работники издательства. При этом ряд цветистых эпизодов, к примеру, «игра в кукушку», явно украшен воображением автора. Вообще, Мандрилли, судя по его же тексту, отличал авантюризм не без выдумки: в австрийском плену он прикидывается безумцем, в одесском порту – итальянским консулом.

Невозможно установить источники военной статистики о Белой и Красной армиях, им приведенной: Мандрилли мог вести собственные записки, а мог и прорабатывать позднейшие публикации, о чем свидетельствуют его ремарки, в частности, про похищение генерала Кутепова; в целом мы не ставили нашей задачей проверку его данных про расстановку сил под Одессой и прочих его сообщений.

Современного читателя не может не покоробить несколько антисемитских выпадов мемуариста, необоснованных и в целом не свойственных для итальянского народа. Учитывая, что книга выходила «по благословению» писателя режима Алессандро Варальдо (вероятно, именно он редактировал текст ветерана), можно предположить, что антисемитские пассажи в одесской главе – дань фашистской идеологии, в начале 30-х гг. становившейся тоталитарной для Италии.

Из обширных мемуаров, в три сотни страниц, мы выбрали для перевода ее одесскую главу, снабдив нашими комментариями.

Наша благодарность – Джованни Терранова (Тренто), указавшему на редкую книгу, и Игорю Сапожникову (Одесса), сделавшему ряд ценных замечаний к нашему переводу.

Михаил Талалай